

АЛЕКСАНДР
СПАХОВ

РОМАН
НА ПЯТЬ
СВИДАНИЙ

16+

Александр Спахов

Роман на пять свиданий

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Спахов А. В.

Роман на пять свиданий / А. В. Спахов — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Эта книга - букет насыщенных изящным юмором коротких историй - от безудержно смешных до щемяще-грустных - о любви людей уже немолодых, о чувстве, хоть и не первом, но пронзительном, тревожном, будоражащем душу.

© Спахов А. В., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Роман на пять свиданий	5
1	5
2	11
3	14
4	17
5	19
Поездка в город	20
Услуга	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Спахов

Роман на пять свиданий

Роман на пять свиданий

1

Солнечные часы по ночам барахлят. Не только те, что установлены на стене городской ратуши, а поголовно все. Ночью вместо правдивых данных они выдают заведомо ложные показания. Да и чего еще можно ожидать от Луны? Если это вообще будет тень Луны, а не соседнего качающегося на ветру фонаря. Нет, ночью рассчитывать на солнечные часы решительно не приходится. По ночам они не поддаются наладке. Только Солнце умеет управляться с солнечными часами. Да и то не всегда, а только при подходящей погоде. Такой, как сейчас. Солнечные часы на стене городской ратуши показывали три часа пополудни.

– Чего желаете? – немолодой официант в желтозеленой тельняшке смотрел прямо в глаза Игорю.

– Большой бокал холодной мальвазии, мешаный салат с хоботницей, каменицы и крух. – Ему доставляло удовольствие вставлять в свою речь местные слова.

Официант понял правильно.

Белое местное вино «мальвазия» жеманно укрылось за запотевшим стеклом. Мелкие колечки хоботницы, эллипсы мидий и другие моллюски в широкой тарелке приподнимали завесу над молчаливой таинственностью подводного мира, намекая на его почти базарную суету. Равнодушные устрицы, по-местному – каменицы, расположились отдельно на песочного цвета блюде, как почтенные фрау на частном просторном пляже. А «крух», говоря по-нашему – хлеб, жарко дышал полной грудью.

– Пожалуйста, моле, – сказал, в свою очередь вставив русское словцо, официант-хорват и подлил вина. Он знал, что этот клиент из России и обедает здесь пятый раз за семь дней своего отпуска. Даже за такой срок у людей успевают выработаться привычки.

Не придерживаясь единого ритма, с нарочитой независимостью, на волнах качались десятки белых рыбацких лодок, покрывая собой большую часть синего залива. Ветер, просеянный сквозь рыболовные снасти, приносил их запах на набережную, где причудливо смешивал с ароматами из кухни таверны Зеко, на веранде которой сейчас и расположился Игорь. Он поднес бокал ко рту, только рассчитывая пригубить, но не удержался и отпил три гулких полновесных глотка. Хорошее вино. Холодное, цвета пробившегося сквозь морскую толщу солнца, кислое и с привкусом приключения.

На набережной было многолюдно, мимо веранды текла толпа загорелых и праздных людей.

Сюда, в балканский городок Ровинь, на полуостров Истрия в северной Адриатике, Игорь прилетел один. Получилось так, что в делах образовался перерыв, неожиданно вернули старый, казалось, безнадежный должок, и накатила «охота к перемене мест». Он купил билет, собрал в одночасье сумку с пляжными тряпками и был, как говорится, таков.

Пять дней одиночества пошли на пользу. Игорь стал спокоен, нетороплив, нервы, прежде торчавшие как иглы из дикобраза, опали, улеглись, сделались легкими и невесомыми, словно пух новорожденного котенка. Нет, ничего особенно страшного в жизни Игоря накануне не происходило. Обычная жизнь обычного московского предпринимателя. Всё как у всех. Стресс как стресс.

Теперь Игорь спал, загорал, плавал, пил холодную мальвазию и закусывал ее продолговатыми «каменицами». Сегодня он наконец почувствовал себя энергичным и полным сил. Взор его устремился на представительниц другого пола. Нет, бабником он не был. Был обычным, женатым первым браком, тридцатипятилетним мужчиной, и его иногда тянуло налево. К нему, опять же, иногда тоже кое-кого тянуло. Надо полагать, в их случае – «направо».

А женщин здесь было в достатке. Любой зрелости, любой масти. Широко представлены: замужние в кругу семьи, женщины с другом, с подружкой и совсем одинокие женщины. Некоторые из них вызывающе и призывно одеты, другие скромны, застенчивы и неприступны. Многие имели на плечах, под бретельками лифчиков полоски незагорелой кожи, но нередко встречались и сплошь покрытые, включая и самые интимные места, ровным откровенным загаром передовые женщины. Бледные полупрозрачные блондинки соседствовали со жгучими пожароопасными брюнетками, многообещающие шатенки – с протяжными русыми женщинами из глубин материка. Толстушки, худышки, долговязые и коротышки, крепкого спортивного телосложения, миниатюрные и габаритные, – всякие. Игорю крепко понравились пять или шесть, причем очень не похожих друг на друга, экземпляров. Вообще, надо отметить, в этом смысле Игорь – человек самых широких взглядов, без жестких ограничений. Сейчас он был не прочь затеять что-нибудь этакое, воздушное, курортное, хотя времени оставалось всего два дня и две, соответственно, ночи. А это означало, что женщина должна быть быстрой на подъем.

Сегодня ему почему-то хотелось женщину не очень искушенную, но и не совсем девчушку, которая бы пугалась и по любому поводу кидалась советоваться с подружками. Может быть, молодую, не очень удачливую мамашу, начинающую прожигательницу жизни с блестящими глазами, или неверную симпатичную женушку, вступившую недавно в брак по расчету. И такие женщины здесь тоже были. И сейчас, не поднимаясь из-за стола, он двух-трех уже видел, но... Но имелось одно обстоятельство, которое весьма заметно снижало ареал возможностей. Эта женщина должна хорошо говорить по-русски. Объясниться с продавцом или с чиновником таможни на английском – пожалуйста. Деловые переговоры о размерах и сроках поставок – извольте. Игорь знал и «паст континуум» и «паст индефинит». Прочитать пункты договора о штрафных санкциях мог легко, без переводчика и советчика... Но вести полный недомолвок и намеков двусмысленный разговор с выбранной красоткой – это только по-русски. Только на родном языке. Так уж он устроен, и ничего с этим не поделаешь. Рубить топорные фразы, подливать вино и пылливо заглядывать в глаза недогадливой немке и объясняться жестами казалось ему делом безрадостным и грубоватым. Какими жестами можно донести женщине, что ты испытываешь тончайшее волнение и готов к безрассудству?

Говорящих на этом языке здесь тоже было немало. Взять хотя бы вот эту, с выгоревшими русыми волосами. Невысока, но стройна, с богатыми пропорциями. Под солнечными очками, возможно, бесстыжие правильные глаза, и рядом с нею не просматривается ни муж, ни тот, кого называют словом «друг»... (Как будто бывает дружба между мальчиком и девочкой.) Или вот эта, с дочерью лет десяти, чем не приключение? Этой женщине к лицу ночь, к лицу страсть и, может быть, порок. С нею все было бы очень интересно... Игорь вертел головой и думал: «или эта... или...»

Тут-то за соседний столик и присела, посмотрев на упрямо показывающие три солнечных часа, весьма подходящая женщина.

Игорь успел перехватить ее взгляд. Серые глаза. Ничего себе! Против серых глаз Игорь всегда безоружен, бессилен к сопротивлению, и ему все равно, на каком языке с их обладательницами объясняться и договариваться.

Многие ошибочно называют серые глаза голубыми. Это в корне неправильно. Голубой – это цвет оптической пустоты, серый же – глубокого, но скрытого смысла. Серые, только и именно серые вызывают у Игоря интерес, желание найти или разгадать этот скрытый смысл. Уникальное свойство серых глаз – увлекать, как в бездну, отзывчивую душу Игоря.

Тот же официант положил перед женщиной меню. Она раскрыла. Игорь незаметно приподнялся, заглядывая, и произнес:

– Вы случайно не знаете, во сколько здесь появляются свежие московские газеты?

– И почему это всегда и всем сразу ясно, что со мной можно говорить по-русски? – не поворачивая головы, отозвалась женщина.

– Перед вами меню на русском языке, – пожал плечами в ответ Игорь. Действительно, лежащее перед Леной меню было открыто на русской странице, и ничего удивительно в этом не было. Лена жила в Москве. И родилась она в Москве, и училась в Москве, и вышла замуж за москвича, и сына своего родила в Москве, на улице Академика Варги, в Центре семьи. И с мужем разошлась два года назад, в Черемушкинском городском суде. Так на каком же еще языке ей читать меню, если в нем есть страница на родном?

Сюда Лена прилетела позавчера, с сыном и мамой, которые сейчас отправились на экскурсию в соседний старинный город Пула, чтобы посмотреть на тамошнюю древнеримскую Арену. Мама Лены была неисправимая путешественница и часа не могла просидеть на одном месте. Таким же стал и ее внучок Дима, Ленин сын. Все две недели отдыха они намеревались посвятить поездкам по окрестным красотам и осмотрам дальних достопримечательностей. Завтра, например, они поплывут паромом на остров и ночь проведут в рыбацкой деревеньке на берегу у открытого моря. Лена не возражала, ей хотелось побыть одной, наедине со всей той путаницей, что скопилась в душе за последние месяцы. Хотелось помолчать, остыть от сложных разговоров и выяснений отношений, от всего, что наполняет жизнь незамужней женщины, глубоко погруженной в роман с женатым, влюбленным в нее мужчиной. Но...

– Вы случайно не знаете, во сколько здесь появляются свежие московские газеты?

Спросивший мужчина не был в ее вкусе. Ей, как она считала, больше подходили другие, менее деятельные, что ли, не такие уверенные в себе. Мужчина, с которым она состояла в запутанных и не совсем честных отношениях, был другим. Звали его Вадимом. Полноватый, в очках, он предпочитал носить джемпера и редко выходил из дому без галстука, был лысоват и работал в Министерстве внешней торговли. Часто бывал за границей и дорожил репутацией. Свою связь они скрывали. Лене хотелось, чтобы он бросил жену, ушел из той семьи и женился на ней. И в то же время чуточку не хотелось этого. Она уже слишком хорошо его знала. Знала, чего от него можно ожидать, а чего не дождешься никогда.

Мужчина, спросивший про газеты, был поджар, высок, густые волосы несколько длинноваты для работника министерства. Этот, видно сразу, хотел жить, то есть хотел всего, не откладывая ни на минуту. Он будет напорист и прямолинеен. Мне не успеть за ним, решила Лена и собиралась прекратить разговор, но сказала:

– Какая наблюдательность...

– Строго говоря, я намеревался обратиться к вам до того, как разглядел меню. – Игорь сидел откинувшись, не делая попыток сократить между ними расстояние.

– Зачем? – Теперь уже Лена в ответ пожала плечами: – Не про газеты же узнать?

– Хотел поделиться с вами мнением об этом вине, – он качнул уже наполовину опустевший бокал на своем столе. – Называется «мальвазия». То, что сейчас нужно. Холодное, сухое. И еще мне просто захотелось с вами заговорить.

– А это прилично? – Лена жестом попросила у официанта такого же вина.

– Пить мальвазию у моря в ветреный день на краю Европы? Вы об этом? – Игорь улыбнулся, и улыбка у него вышла кривоватой. Лена ей не поверила.

– Нет, не об этом. Разговаривать с незнакомцем в портовом ресторане. – В ее голосе прозвучала ирония.

– Почему в портовом? Порт отсюда в десяти километрах. А два соотечественника, думаю, могут перекинуться парой фраз... – немного подумав, он нашелся: – ...для профилактики ностальгии.

– У вас ностальгия? Уже? – Лена, казалось, почти и не взглянула на Игоря: – А это не заразно?

– Наука еще не знает ответа на этот вопрос, и нужно быть осторожной.

Салат, который ей принесли, был приправлен морской пеной и криками чаек.

– Осторожной? – Лена пододвинула к себе тарелку.

– Не отдаляться надолго от соотечественников. Профилактика – вот залог успеха и здоровья.

– И в чем же она? – Лену уже начинал тяготить этот разговор. Ей хотелось посидеть и подумать о себе и Вадиме.

– Для профилактики ностальгии предлагаю объединиться, регулярно встречаться. К примеру, сегодня дать ей отпор и вместе поужинать.

– Вы думаете, ностальгия свирепствует и так быстро косит?

– Ладно, сегодня проверим симптомы, а завтра... Обязательно надо... В это время я всегда обедаю здесь. Меня зовут Игорь. А вас?

– Елена. Но я вряд ли приду. – Кто знает...

Короткий вечер сменила не принесшая пролады ночь. На стене ратуши опять забарахлили часы. Из порта, залитого огнями, вышел огромный, размером со средний местный городок, итальянский паром. Он взял курс на лунную дорожку. Окно номера, в котором жил Игорь, выходило на залив, а вокруг него изгибалась набережная. Там бушевала курортная жизнь. В барах играла музыка, в ресторанах сидели парочки. Взгляды мужчин стали требовательны, а женщин – лукавы. Тела излучали впитанное за день солнце. Курортная ночь беззастенчива, думал Игорь, тороплива и откровенна, но нет в ней скотства. Все честно, все по согласию. Накопленное за день желание щедро расплескивалось по двуспальным гостиничным кроватям, каютам яхт и полосатым полотенцам на остывающем песке пляжа.

Игорю было одиноко. Ему тоже хотелось сидеть у кромки воды рядом с женщиной и знать, что еще немного, и они станут близки. «Напрасно я не настоял на встрече сегодняшним вечером», – подумал он и закурил сладкую хорватскую сигаретку.

Лена укладывала сына. Мама ее, Лидия Николаевна, перечисляла, что нужно взять завтра с собой в поездку на рыбачий остров

– Да, еще и ночную рубашку, ведь мы останемся там на всю ночь.

– Я утром напомню, – отозвалась Лена.

– Интересно, мы поплывем на таком же? – сказала Лидия Николаевна, глядя на залив.

Вдоль лунной дорожки уходил паром размером, как подумал уже Игорь у окна своего номера, с небольшой местный городок. Маяк на пирсе казался игрушечным, а море – неглубоким и безопасным. Совсем не верилось, что в нем, в глубине, медленно передвигаются между камней и водорослей бесшумные осьминоги и бледные кальмары сиву.

Утром, за завтраком на веранде, Игорь познакомился с русской женщиной из Пензы. Что сказать? Мила, простодушна, готова, неинтересна. Если ничего не получится с профилактикой ностальгии, придется ужинать с ней. Чтобы рассказы про унылую Пензу не слишком нервировали, он закажет не одну, а две бутылки вина и не будет устраивать романтического продолжения в баре у самой воды с итальянскими тенорами и масляными светильниками на камнях, а сразу поднимется с нею в номер. Он предчувствовал, что получится не Бог весть что, но с одиночеством по вечерам пора заканчивать, иначе наживешь себе какую-нибудь болячку, вроде комплекса супружеской верности.

Женат Игорь давно и изменяет давно. Может быть, всегда.

В порту опять отчаливал паром, хоть и меньших, чем ночной, размеров, но тоже внушительный. И сын Лены, и Лидия Николаевна были очень довольны. Паром густо протрубил, когда Лена помахала им с причала, как заправская жена моряка.

– Кстати о мужьях, – подумала Лена и набрала телефон своего московского друга Вадима. – Привет, это я.

Ей хотелось рассказать Вадиму про солнце и залив, про вкус камениц и мальвазии, про то, что на спине у нее уже появились незагорелые полосы и про то, что вчера перед сном она думала о нем, но...

– Здравствуйте. Рад вас слышать, но перезвоните, пожалуйста, через час в мой кабинет. Сейчас я веду машину.

Все понятно: он действительно ведет автомашину, но рядом с ним сидит его жена, и он не может с нею, Леной, разговаривать. Не может радоваться оттого, что ей хорошо, или огорчаться, что ей не очень. Не может сказать теплых слов и задать заботливых вопросов, не может показать виду, что она, Лена, есть на белом свете. Такая она, оказывается, жена моряка. Лена повесила трубку. Отбой. Ну сколько можно чувствовать себя получеловеком, дискретным пунктирным созданием, проступающим в его жизни азбукой Морзе? Иногда точкой, иногда тире, но никогда – линией. А он для Лены – линия, прямая, неразрывная, прочная линия между пунктами Л и В. Или нет? А можно ли эту линию разорвать, а потом связать опять? И появится на прямой неразрывной линии маленький узелок...

Вчерашний ресторанный собеседник, Игорь, сидел за тем же столиком и пытливо смотрел на подходящую к нему Лену.

– Приступ? Обострение ностальгии? – Проговорил он, поднимаясь навстречу. – Официант, мальвазии!

– Здравствуйте, Игорь. Вы были правы.

Они разговорились быстро и вместо ничего не значащих полушутливых, полных лукавства и насмешек пустоватых фраз заговорили о вещах приятных. О том, как это правильно – уехать на недельку из бензиновой Москвы. О том, как хороша синева моря и чистота облаков. О том, что здешний собор поставлен в честь Ефимии, жены рыбака, который семьсот лет как не вернулся с лова, а она его ждет до сих пор. О том, что сюда можно приезжать и зимой, когда никого не будет. О том, что до сорок восьмого года этот полуостров принадлежал Италии, а еще раньше – Риму а потом два генералиссимуса взяли и присоединили его к Югославии. Про то, что здешние острова, которых тысячи, не продаются богачам, и что на многих из них стоят белые маяки.

Им нравилось все, что они видели. И залив, сложной геометрической фигурой врезавшийся в каменистый берег, и бездонное небо, исцарапанное криками чаек, и люди с мужественными лицами, привыкшими смотреть вдаль, но больше всего – сам город Ровинь. Город, который много раз описал их соотечественник Александр Грин, хотя никогда здесь и не бывал.

Дома поднимались прямо из моря, и не какие-нибудь маломерки – солидные, многоэтажные строения добротной средневековой кладки, позеленевшие у основания, что придавало им сходство с пустившими корни мощными деревьями. С достоинством раздвигая волны, величественной поступью поднимались они на скалу, увенчанную церковью и статуей святой.

Лена смеялась шуткам Игоря и супила брови, если он был серьезен. Слушала его с интересом и вниманием. Ей нравилось, как он рассуждает о вечном, не пропуская мелочей. Игорь стал ей любопытен. Такой новый и отличающийся от всех, с кем ей приходилось общаться, – а ей уже двадцать девять... Сперва робкая интересность подвинулась, уступая место доверчивости, но вот и доверчивость, ставшая слишком малым, не вмещающим в себя Игоря чувством, отступила на второй план, освобождая пространство согласию. Ей захотелось внимательней присмотреться к Игорю, взглянуть на него всего как бы издали, в полный рост, а заодно и на себя саму рядом с ним. Как будто спрашивая себя и окружающих: а как мы с ним посмотримся?

Подходим ли мы друг другу? И она пришла к выводу, что да, сейчас они весьма похожи на одну из парочек под пальмами, которые вечером покалывали ее сердце завистью, когда она шла к себе в гостиницу с мамой и сыном. Вчера она залюбовалась, как вкусно эти люди сидят за столиками и беседуют. Или нет, не беседуют, а говорят друг другу слова любви... Или нет, не слова любви, а просто теплые сердечные слова. А потом, тогда подумала Лена, эти люди лягут на широкие постели в комнатах с открытыми настежь окнами и развевающимися занавесками, и будет этим людям хорошо...

Сейчас рядом с Игорем Лена почувствовала себя такой же, как те вчерашние люди, и подумала, что и ей тоже сегодня будет хорошо.

Официант подлил вина.

– А знаешь (они успели перейти на «ты»), – сказала Лена, – давай выпьем за то, чтобы всё было хорошо.

– Что ж, подходяще, – одобрил Игорь.

Ночью действительно всё было хорошо. Всё по согласию и обоюдному желанию. Они наслаждались друг другом. Их ласки становились открытием и доставляли радость. Ей было все равно, женат он или нет, сколько ему лет и есть ли у него деньги. Она даровала ему свое тело, а он ей – свою силу. Оба они были чистыми и горячими. За ночь им пришлось дважды освежаться вместе под прохладным душем. Когда Игорь целовал Лену в мокрое лицо, никто не думал о слезах. Если когда-либо наступала гармония, то это именно тогда и именно между этим мужчиной и этой женщиной.

Завтракали они в полдень. Виноградный сок имел привкус последнего свидания. Запах кофе носился над террасой словно стая бабочек. Сверху им было видно, как в порту причаливает паром с острова, на котором ночевали ее мама и сын.

– Сегодня я улетаю в Москву, Лена.

Почему-то она уже знала об этом.

2

Размашистый город Москва жил по гигантским песочным часам. Только вместо мелкого, чистого, текущего тонкой струйкой песочка в них ворочался комковатый, сырой, затыкающий отверстие между колбами, тяжелый и твердый. Жить по таким часам было нестерпимо. Но, может быть, кроме него, Игоря, никто и не заметил такого свойства московского времени?

Москва шумела и чадила на перекрестках, гудела в пробках и толкалась в метро. По возвращении Игоря она, бросив короткий взгляд на его свежую загорелую физиономию, хмыкнула: отгулял и забудь, встань в строй, не вспоминай до следующего лета.

А забыть-то Игорь и не сумел. В строй встал, в ряды влился, погрузился в повседневные заботы, а забыть не забыл, не получилось у него. Почему? Да потому что зачем забывать-то? Разве Лена не красива? Разве у нее не серые глаза? Разве не была она в ту ночь нежна и откровенна? Разве не было Игорю с ней хорошо? Вот поэтому и не смог он забыть Лену, а ждал ее возвращения в Москву.

На восьмой день, в день ее приезда, Игорь поспешил в аэропорт, встречать. В Ровне он опрометчиво, считая историю законченной, не попросил номера телефона и теперь клял и корил себя во все корки.

Самолет из Хорватии должен был сесть в 14:20. Игорь подъехал в 14:59 и увидел, как в зал прилета стали поступать прибывшие рейсом из Пулы первые пассажиры. Вскоре появилась и Лена. Вместе с нею вышел хрупкий мальчик с вьющимися волосами и интеллигентного вида женщина с пытливым взглядом. Мама Лены и ее сын, догадался Игорь и собрался шагнуть навстречу, но... Но, опережая его, к ним уже устремился высоколобый господин в галстуке, несмотря на летнюю жару. Он склонился и поцеловал Лену в щеку, потрепал мальчугана по волосам и взял из рук матери сумку.

– Эге, – Игорю ничего не оставалось, кроме как с грустью произнести это многозначительное слово и остаться на месте. Он стоял в двух шагах от них, смотрел, как женщину с серыми глазами встречает мужчина в галстуке, и ему было несладко.

Лена Игоря заметила, и, когда Вадим склонился над мальчиком, чтобы повнимательнее рассмотреть, как у того облезает нос, чуть кивнула. При этом взгляд ее не нес большой радости или восторга, скорее в нем было замешательство, впрочем, совсем легкое. Казалось, она не знает, как ей отнестись к появлению Игоря. Игорь сделал вид, что высматривает кого-то в потоке прилетевших, но не сдвинулся с места.

– Светлана Николаевна, Вика! – с неподходящими ситуации оживлением Лена вдруг позвала двух вышедших за ними женщин с чемоданами на колесах. – Я хочу оставить свой домашний телефон. Позвоните обязательно, когда опять будете в Москве, вспомним, как хорошо нам отдыхалось вместе в Хорватии.

Женщины, издавая междометия и вводные слова, достали ручки и приготовились записывать на посадочных талонах.

– Четыре, четыре, четыре, семьдесят один, сорок два. Успели? – спросила Лена и посмотрела на Игоря. Игорь кивнул.

– Сейчас я отвезу вас домой, – говорил Вадим, – и сразу уеду. У меня вечером самолет в Мюнхен, командировка. Вернусь через неделю, четырнадцатого рано утром.

Лена шла рядом и слушала молча. Игорь тоже слышал.

– И четырнадцатого же вечером, – продолжал мужчина, – мы приглашены на прием в Малайзийское посольство, в честь дня их независимости.

– Мы? – переспросила Лена. Мужчина, Игорю показалось, замялся.

– Приглашение на два лица. Культурная программа и ужин. Вместе и пойдем.

Возвращаясь домой по окружной, Игорь не был уверен, что позвонит Лене. Там, на море, она стала для него наслаждением и подарком, легкой и необязательной добычей, приятной и чрезвычайно вкусной. Здесь же он, а возможно и она вламывались в жизни друг друга. В какие ни есть, но устоявшиеся и сложившиеся судьбы. Надо ли это? Она, как сейчас выяснилось, связана с мужчиной, и сам он женат, хотя...

Игорь не любил свою жену. Нет, не в опасном, зловещем смысле этого слова, а просто Игорь никогда, ни одной минуты не был влюблен в свою жену Инну. Что поделалось, не посетило его с нею это блаженное чувство! Так получилось... С другими посещало, а с этой женщиной – нет. С Инной ему бывало интересно, весело, удобно, комфортно, продуктивно, но никогда – трепетно, обворожительно, взволнованно и сладко. И она, Инна, об этом знала.

А сама-то она любила Игоря? Да, несомненно. Сильно, цепко и настойчиво. Целеустремленно как-то любила. В свое время. У женщин хоть и похожие, но в целом весьма отличные от мужчин мотивации сохранения любви. «Его нельзя отпускать, ведь столько в него вложено сил, средств и, главное, времени». Время – самый невосполнимый бабий ресурс.

Инна забеременела, сыграли свадьбу, зажили вместе. Игорь не поддержал Инну в ее чувстве, и любовь прошла. Так уж устроена женщина. Долгая безответная любовь в женской среде редкость. Но и Игорю, в общем-то, не нужна была ее любовь, ведь невзаимная любовь к тебе – весьма утомительное дело.

Но они не разошлись. Жизнь продолжалась. Можно сказать, не самая плохая жизнь. Ведь семья состоит не только из отношений супругов. У нее масса составляющих. Дети, достаток, отдых, комфорт... Игорь и Инна купили квартиру, автомобиль, завели собаку, построили дачу. У них подрастала дочь, нервный и ранимый ребенок, которого не хотелось мучить мутными отношениями между папой и мамой. В общем-то, они не мешали друг другу. Игорь никогда не отказывал себе в удовольствии встреч на стороне, наверное и Инна тоже, но у мужчины всегда возможностей больше... Да, а еще они затеяли бизнес. Не ахти что, не «Лукойл» конечно, но жить можно. Пришлось по первости здорово упираться – все хотели стать богатыми, – а потом устоялось. Богатыми не стали, но и не бедняки теперь. Не стыдно людям в глаза смотреть, есть что делить. Но не делили. Пока... Инна жила все больше за городом, на работе и дома появлялась редко, а летом, когда дочери не нужно в школу, не появлялась совсем.

Игорь позвонил Лене, почти неожиданно для себя. Резко перестроился в правый ряд и остановил машину, в полукилометре от своего дома. Лена взяла трубку сразу. Голос ее был полон новых, незнакомых ноток. Договорились встретиться завтра, в субботу.

Назавтра ее серые глаза показались ему еще глубже, а волнение от них – сильнее, чем у Адриатического моря.

Домой они не вернулись. Жена Игоря в тот день, как обычно, ночевала на даче. Лена коротко поставила в известность свою маму, чтобы сегодня не ждала, и они поехали в гостиницу. Гостиница располагалась за городом. Река и тяжелый лес над головой.

У Лены было легко на душе. За ужином она чуть захмелела и теперь смотрела на Игоря с прищуром и улыбкой.

– Это хорошо, – сказала Лена, когда они остались вдвоем.

– Что именно? – пришлось уточнить Игорю.

– Что ты догадался приехать в аэропорт.

– А ты бы, разумеется, не приехала? – И мы потеряли бы друг друга навсегда... – ответила Лена и придвинулась к Игорю.

И опять Лене было хорошо, возможно даже лучше, чем на море. Слаще, что ли... или роднее? Даже близость имеет степени. Ближе. Еще ближе. Наближайший. Это была чистая рафинированная страсть, без примеси резонов и причин. Честная и всё оправдывающая. Они встретились под солнечными часами на набережной Ровня, заключили друг друга в объятия и не пожелали раскрыть их в Москве. В той хорватской ночи была капелька обиды на Вадима.

Сегодня же Лена не наказывала Вадима Игорем, а только радовала, если угодно баловала себя. Она давно устала от медлительности и нерешительности Вадима и, может быть, уже сомневалась в нем. Она еще не стала его женой, а уже изменяет ему. И стало Лене чуть-чуть неуютно на душе.

А Игорь улыбался. Лежал на спине и улыбался счастливой улыбкой. Надо же, в его цельной, стабильной, прямолинейной и устоявшейся жизни – такой романтический поворот! На море Лена была случайным приключением, легко забываемым и мимолетным. А здесь она стремительно заполняла собой его жадно открывшуюся душу. «А я, похоже, влюбился», – подумал Игорь. Он повернулся к Лене и хотел тут же сообщить ей эту радостную весть. Лена как раз смотрела на него. Он уже открыл было рот, но остановился. Игорю показалось, что Лене сейчас не очень уютно на душе, самую малость, чуть-чуть. И он решил отложить свою последнюю новость для другого более подходящего раза. А пока обнял свою новую любовь покрепче, поцеловал в макушку, и они уснули.

3

Следующие дни Лена и Игорь были двумя стрелками на циферблате, только такими, что не догоняют, а двигаются навстречу друг другу и встречаются в самых неожиданных местах. Каждый день, а иногда и по несколько раз. И им всегда было хорошо. Хорошо сидеть рядом. Хорошо ехать в машине. Хорошо входить вместе в спальню...

«А почему бы и нет, – думала Лена. – Почему я должна себе в этом отказать? Потому что у меня есть Вадим? Или потому, что я есть у Вадима? Потому что он выбрал меня, или я выбрала его? Каждый раз мне приходится угадывать, в каком он в данный момент статусе: женатый недосыгаемый господин или мой, и ничей больше. Почему, звоня ему по телефону, я должна проявлять безошибочное женское чутье и определять, дома он, в кругу семьи или свободен как ветер? Со мною он или нет, наконец?

– Хочешь, проснемся завтра, а за окном будет вода? – спросил Игорь, встретив Лену после работы.

– Мне лететь никуда нельзя! Мне утром к девяти в...

– Мы будем спать на корабле...

Они сняли каюту на корабле, который тихо стоял у причала и думал о своем. А у Игоря и Лены земля ушла из-под ног.

Мимо текли две реки. Река из густой воды и река из жаркого времени. И они плыли по ним. Чтобы не утонуть, нужно было двигаться. Движения Игоря были настойчивы до беспощадности. Бывает ли беспощадность нежной? Сладкие тонкие ниточки у них внутри собирались в один на двоих, плотный, готовый взорваться на тысячи клочков клубок...

Утреннее солнце отразилось в плавных волнах реки и отыскало потолок их каюты.

– У тебя есть мраморные слоники на счастье? – Игорь смотрел, почти касаясь ресницами, в глаза Лены.

– Ни одного. А у тебя?...

– У меня есть. Купил в аэропорту города Дели прошлой зимой, когда из отпуска летел.

– Ну и как? Было тебе счастье? – Лена не шевелилась.

– Я встретил тебя...

– Это счастье?

– А для тебя нет?

– Я еще не знаю...

Она действительно не знала. Нет, разумеется, так, в объятьях, лучше, чем в удушливой постели одиночества... Лучше, чем быть Вадимовой женой выходного дня. Но... вдруг опять та же перспектива? Дважды «жена выходного дня». Не слишком ли?.. Но сейчас думать об этом не хотелось.

– Прислать тебе слоника? – Игорь теснее приник к Лене. Их тела высохли после любви и вот-вот собирались начать зябнуть. Можно было, конечно, укрыться сбившимся одеялом, но это означало, что придется подняться, отделиться друг от дружки и растерять те остатки тепла, если угодно жара, которые они еще хранили в местах прикосновений.

– Зачем? – почти бесшумно отозвалась Лена.

– Для пользы дела... – объяснил Игорь.

– Какого дела? Мы тут по делам? – Лене было приятно поддержать этот лукавый, ничего не значащий разговор после любви. Другие мужики умолкали, отдалялись как-то, а этот...

– самого неотложного... Ты возьмешь слоника, он запомнит дорогу к тебе и... приведет остальных.

– Целое стадо? – Всех до единого. И каждый с поклажей.

– Счастья? – А чего же еще? – казалось, искренне удивился Игорь.

– Счастье... поклажа... – Лена вдруг умолкла.

Как его упаковывают? Во что? Да и что есть счастье? Ну, то которое принесут мраморные слоники на своем горбу? То, за которое не нужно бороться, ждать, страдать, а которое нужно только принять и расписаться в получении. Открыть ворота, впустить в свой дом, достать шариковую ручку, насупить для солидности брови: «Где вам тут расписаться? Время прибытия проставлять, или сами?..» Слоники разгрузятся, постоят и отправятся назад, бережно придерживая хоботом расписку о точно в срок доставленном по месту назначения грузе бесценного счастья. Простого, человеческого, долгожданного счастья. И останется Лена с ним один на один...

– Зачем ты тогда заговорил со мной? – Игорь не заметил горечи в ее вопросе.

– А зачем ты молодая, соблазнительная женщина? – продолжал дурачиться он.

«Вот именно: зачем? Просто так? По стечению обстоятельств? По привычке?» – думала Лена.

– Я не соблазняла тебя. И Вадима Лена никогда не соблазняла. Тоже стечение обстоятельств. На даче у друзей позапрошлым, нет, поза-позапрошлым летом собралась шумная компания. Было весело, легко. А тут и этот Вадим. Приехал в Москву, в командировку, из Лондона. Лощеный, обаятельный, светский. Потом – неделя ресторанов, приемов, подарков... И ночи, длинные страстные ночи. «Я без тебя не смогу, это ясно. Вернусь, разведусь, и мы поженимся». Улетел. Вернулся через год с семьей, жена и дочь. Раздобрел, начал лысеть. Встречались часто. Любила ли Лена Вадима? Да! Четкое, несомненное ДА, крупное, как Ш и Б на таблице проверки зрения. Но... на этой таблице есть и другие буквы, правда не такого размера, но тоже достаточно четкие и различимые. Это во-первых, а во-вторых... Где это сказано, что любовь к одному человеку означает нелюбовь к другому? Если, разумеется, ты не влюблена самой дурацкой формой любви – слепой. Влюблена Лена была зряче. А Игорь? И тут придется ответить утвердительно, этаким взволнованным, трепетным да, с придыханием. Мужчины влюбчивей, чем женщины, ведь им поручена инициатива, хотя... – Еще как соблазняли, матушка. – Теперь Игорь привстал на локте и, не скрывая удовольствия, разглядывал Лену. – Вот этим соблазняли, и вот этим тоже. Он как будто инспектировал, составлял опись своих владений.

– А вот это, – он провел ладонью по ее груди, – вы задействовали для верности...

– Какой еще верности? Супружеской?.. – Лена взглянула на Игоря. – Давно хотела спросить: ты женат?

– В меру...

Возвращаясь к браку Игоря, надо повторить, что сейчас они с Инной были скорее партнерами по бизнесу. Не ахти какому, но кормил этот «бизнесок» сносно. Они не считали развод какой-то трагедией, но страшились самой процедуры, которая ему сопутствовала. Процедуры раздела имущества, реструктуризации бизнеса, переоформления собственности. Неизбежные потери, нервоотрепка, неудобства – вот что их пугало и останавливало.

– Что это еще за меры и степени такие? Как ты это определяешь, дружок? А мы с тобой?.. – поинтересовалась Лена.

Игорь ушел от ответа:

– Мы вкуснее, чем супруги. Мы любовники.

– Это чем же вкуснее? – Лена поцеловала Игоря улыбающимися губами. – А, любовничек?

– Не могу понять, растолкуй мне, пожалуйста, – опять уклонялся от темы Игорь, – откуда в тебе столько ненаглядности?

«Ненаглядности» в Лене было хоть отбавляй. Сверх меры ненаглядности. И она решительно не знала, что с нею теперь делать. Оставить на усмотрение Игорю или вручить, как и планировалось, Вадиму?

Расстались в тот раз Лена и Игорь в легкой задумчивости, которую, впрочем, было, опять же, легко спутать с усталостью.

«А что? – думал Игорь, направляясь к дому. – Вот оно и свершилось. Хватит тянуть кота за хвост. Развод. Разъезд. Перетерпеть, начать новую жизнь. Будет непросто, нервы Инна помотает. Ей же придется работать и многие вещи решать самой».

Следующая встреча была назначена на четверг. В любви Игорь не признался и на этот раз. Как-то из головы выскочило.

4

Маятник – это весло лодки, плывущей по упомянутой реке времени. А веслом, как известно, можно грести в любую сторону. Бывает, маятник толкает время вперед. Это когда летит справа налево. А если назад, слева на право?

Четверг:

– Спагетти с рыжиками, пожалуйста. Еще сотерну? – Официант склонился в почтительном изгибе.

Лена и Игорь обедали в итальянском ресторане напротив Триумфальной арки. За широким окном солидно шумел Кутузовский проспект.

– Да, пожалуйста.

Вино опустилось в бокал, как последнее предупреждение. Лена внимательно смотрела в лицо Игоря. Игорь чувствовал, что пришла пора произнести красивые слова о любви, но вместо этого...

– Поехали завтра по Руси, – сказал он, отрывая взгляд от суеты за окном. Ему захотелось безлюдности, другого ландшафта и Лену возле правого плеча.

– Это как? – удивилась Лена.

– Сядем в машину и поедем. – Игорь иногда проделывал это в одиночку или с кем-нибудь еще. Он вообще любил дорогу, ее неопределенность и бесконечность. Ему захотелось приехать в другую, отличную от теперешней, новую и радостную жизнь. Такую, где каждое утро на кухне напротив себя он будет видеть Лену в халате, может быть даже с кругленьким радостным животиком. В этой жизни будет смысл и радость, а возможно, что и само Счастье. И не надо никуда гонять мраморных слоников.

Игорь смотрел на Лену.

Завтра они уедут в глушь. На берегу Волги, в Угличе или Мышкине – да в том же Кашине – снимут в гостинице номер, если не будет гостиниц, то домик в деревне, и вечером, на закате, он признается Лене в любви. И это будет правдой. Сам Игорь ничуть не сомневался. Да, он влюбился в Лену. Она вскружила ему голову, и сейчас он определенно витал в облаках. Но любил ли он уже Лену? Вот в чем состоял вопрос дня. Влюбленность и любовь. Какая, собственно говоря, разница? Как всегда и во всем, разница – в пропорции. Влюбленность – это один из ингредиентов в пышном салате жизни. Необходимый, чрезвычайно важный, даже ключевой, но ингредиент. А любовь... Любовь, если продолжать поварскую тему, – это основное блюдо... Блюдо, из которого, собственно говоря, и состоит обед, в данном случае – жизнь. «Да, решено, – думал Игорь. – Я ее люблю, и она станет моей женой. Только так».

– Поедем куда глаза глядят? – Лена повела по сторонам своими глазами, словно выбирая, куда податься.

– На север. В Калязин, в Кашин...

– Где это?

– В Тверской губернии. Там, в Кашине, к примеру, еще девятнадцатый век в самом разгаре.

Лена задумалась. Ей понравилось бы ехать с Игорем ранним утром по пустынной дороге через высокий лес и приехать прямо в девятнадцатый век.

А Вадим звал на прием в Малайзийском посольстве. Длинные платья, тихая музыка, дипломатический корпус. Почему-то для него, Вадима, это важно. Может быть, там, среди гостей, будет и его начальство, люди, от которых зависит карьера Вадима, и он хочет познакомиться с ними Лену? Хочет заручиться их поддержкой? Развод и новая семья не могут не сказаться на мнении о нем руководства. Так он, вероятно, найдет их одобрение. Если, конечно, Лена им понравится. Но ведь у Лены теперь есть Игорь. Как быть с этим?

– В центре города, – продолжал, между тем Игорь, – сохранились торговые ряды и лабазы, чугунные фонарные столбы, и вообще...

Игорь говорил, поглядывая на Лену, такой уверенный в себе, прямой и всегда идущий прямо к цели. «И я, Лена, его цель? А Вадим? Разве я честна по отношению к Вадиму? Мы с ним уже три года. Он, можно считать, поднялся с места, уже произошел большой сдвиг в его семейных отношениях. В него уже вложена большущая часть ее души. Они уже многое пережили вместе. Даны обещания, потрачены усилия, проделана, если угодно, работа. А Игорь? Что с Игорем? Да, ей с ним хорошо. Очень хорошо. Тепло и уютно. Но и он, что бы ни говорил, женат. И совсем неизвестно, как поведет себя через месяц или через полгода.

– В том углу, куда мы поедем, несколько городков. Углич, к примеру, и Мышкин, – говорил Игорь. – Снимем номер в гостинице или...

Ей хотелось поехать. Хотелось, чтоб было все просто и понятно, не нужно было решать и размышлять. А может...

– А какое завтра число? – спросила она, и в голосе ее проступила надежда.

– Четырнадцатое, – быстро ответил Игорь.

«Четырнадцатое, – проступило в сознании Игоря. – Это же завтра возвращается тот высоколобый мужчина». О нем Игорь и Лена никогда не говорили. «Ты замужем?» – спросил как-то Игорь. «Нет», – ответила Лена. И всё, больше они к этому вопросу не возвращались.

Получается, все эти дни она ждала его. Помнила о нем и считала дни. А он-то, Игорь, как дурак решил, что всё всерьез. Ночь на воде, корабли уходят в плавание, а мы остаемся у причала. Влюбился, порадовать ее такой новостью хотел. Он потрогал то место на груди, где, по его мнению, располагалось сердце. Как все-таки быстро там могут расти камни.

– Что желаете на десерт? – официант подошел незаметно. – Оставьте меню. Мы еще подумаем... – привыкая к камню под сердцем, ответил Игорь.

И Лена действительно думала. Как же быть? А ведь Игорь так ничего и не сказал о любви. Любит, нет? Это же очень важно. Он не обмолвился ни словом на этот счет. Все решать предстоит самой. Но даже если он меня... Что тогда? Опять ждать?

Шарлотки, мороженное, торты, муссы... В меню одних только десертов было семь листов. Когда все это изучишь?

«Как хорошо, что я не поторопился признаваться, – с привкусом желчи думал Игорь. – Хорош бы я был. Этаким курортный влюбленный. А вдруг?.. А может она и не ждет вовсе этого высоколобого, а только...»

Игорь хотел переспросить про завтра, но...

– Завтра я не могу, – сказала Лена и умолкала, углубившись в меню.

Все понятно. «Не могу», и точка, без объяснения причин. Если бы что-нибудь домашнее, то начала бы рассказывать, а так... Итак, возвращается хозяин. Закончились курортные деньки.

Лена листала меню и молчала. «Если бы я была ему дорога, – думала она, – он бы сказал об этом, расспросил, а так... Ничего его не касается. Но я не хочу его терять... Не хочу».

– А послезавтра можно. Давай послезавтра, Игорь? Точно, поедем послезавтра...

Игорь смотрел на Лену какими-то чужими, не своими глазами, словно замерзшими, что ли. Все стало понятно. Точно и контрастно. Он прошел в любовники. Тот высоколобый – это хозяин, основной держатель акций. А он, Игорь, прошел в любовники. Таково его место и положение.

– Так что вы выбрали на десерт? – официант, оказывается, все это время стоял рядом, за ее стулом.

– Мне что-то больше ничего не хочется, – сказал Игорь. – А тебе?

– Пожалуй, мне тоже...

5

Есть мнение, что время обожает путаться в римских цифрах. Оно словно с наслаждением чешется об углы и иглы этих неповоротливых «XIII» и «XIV», застревает и натягивается. Не исключено, что именно поэтому Римская империя так долго задержалась на Земле.

И наоборот, время беспрепятственно и торопливо скользит по кругу между гладких и округлых арабских завитушек, не оставляя следов и отметин.

У Игоря часы фирмы «Монблан», именно с круглым циферблатом и только тремя символами: «3», «6» и «9». Времени тут и зацепиться не за что. Вот оно течет себе и течет.

На Пушкинской площади нет солнечных часов. Но Игорь точно знал, что было ровно три, когда столкнулся там с Леной.

Прошло почти четыре года... Оба торопились, но десять минут – посидеть в кафе «Пирамида» – у них нашлись.

Кофе дымился в чашках недоверчиво и настороженно.

– Как ты?

– Как всегда...

– А как?..

Хоть они и сидели против друг друга, но каждый чувствовал себя как перед обрывом.

Тогда Лена все же вышла замуж за Вадима. Но жизнь их не заладилась, и сейчас уже полтора года, как они разошлись.

А Игорь с женой развода до сих пор не оформил. Просто жил отдельно, один. Впрочем, у Игоря есть подруга. Хорошая женщина, тоже с ребенком.

Поездка в город

Вите Горбушину здорово повезло. Все так считали.

Токарь Вова Орлов, сосед по подъезду, хлопнул его при всех по плечу и сказал:

– Подфартило Витьке! Стакан с него!

Старенькая мама всплакнула на радостях. И даже бывшая жена Светланка, когда заезжала за зимними вещами, фыркнула:

– Дуракам везет!

Витя был согласен. Не про дурака, конечно, а про то, что посетила его Удача. Да посудите сами: Витя на две недели летел за границу. И летел за чужой счет.

Получилось так, что Витиною непосредственного начальника Вячеслава Арнольдовича Куряпина застукали с любовницей. И сейчас непосредственный начальник имел крупные семейные неприятности и встревоженный вид. Над всем его отлаженным бытом и образом жизни нависла реальная угроза. Квартира, в которой он жил с семьей из трех человек, принадлежала теще. На должность, с которой он кормился, устроил его к своему приятелю тесть. Машина оформлена на жену, а дача в совместном пользовании. Серьезных накоплений нет. Разводиться нельзя никак – по миру пойдешь.

Он-то как раз и собрался этот мир посмотреть, но па вернувшись в гостиницу, без спешки и настороженности, вдумчиво полакомиться большим сочным телом экономистки. Сорвалось...

Все уже было оплачено, забронировано и подтверждено. И билеты, и гостиница, и прочее оформление. Сорвалось...

Теща некстати заявила на дачу, застучала. Устроила скандал, дура. Припомнила ему, Славику Куряпину, подкидышу голоштанному, лимитчику чумазому, все добро, которое они с тестем, неутомимым тружеником безопасности движения, ему понаделали. И квартиру, и должность, и дочь свою, камбалу лупоглазую, и продукты питания в дефицитные годы, и памперсы для дочки, внучки своей, и подарки новогодние двухкопеечные. Все-все припомнила теща, ничего не пропустила, словно по списку читала.

Теперь Вячеславу Арнольдовичу придется притихнуть, замереть, как партизан в засаде на обочине смоленского тракта. Месяца на два-три. Жена-то ладно, подуетя и отойдет. Куда денется? В разведенки? А вот теща... Эта может не на шутку разъяриться и довести до развода, разрушить семью.

Теща – баба скверная, хабалка матерая, почетный ветеран базарных скандалов. Орет как дрищет, дрищет как пляшет! Раскроет пасть свою разноцветную, всю в мостах и руинах, словно Венеция после бомбежки, глаза выпучит – и затрубит Путиловским заводом перед утренней сменой. Трактором не сдвинешь. Одно теперь остается Вячеславу Арнольдовичу – перетерпеть.

И решает Куряпин в зарубежную поездку, чтоб билеты не пропадали, а койка не пустовала и завтраки оплаченные не тухли, вместо себя отправить дублера. Запустить, как говорится, на орбиту резервный экипаж. Ведь нетрудовые накопления ему никто возвращать не собирается. А денег жалко.

Выбор дублера и пал на Витю Горбушина, человека непорочного, в поступках несмелого и тихого. Болтать не будет, но в душе преданность затаит.

– Так, Горбушин, говори «спасибо». Летишь за границу. Пробудешь две недели. Гостиница забронирована.

Витю такое предложение аж всколыхнуло всего. Слово прохладный ветерок под рубашкой пробежал. И от этого он еще тише притих и вздохнуть глубоко неделю не смел.

Насторожился поначалу: как бы пассиву начальников не поручили: вгоняй, дескать, в нее с усердием, за завтраки, за билеты, за крышу над головой, за пансион отработывай. А Витя,

надо прямо сказать, эту толстуху из планового не хотел даже в смелых мечтах. Необъятная она больно, рыхлая и густо пахучая. Не нравился ему такой план. Не одобрял он его.

Но пронесло. Опять не подвела Судьба – освободило руководство от половой повинности.

Вячеслав Арнольдович не знал просто, упустил за своими заботами, что полгода как ушла от Вити жена его Светлана. Совсем ушла, со сменой фамилии ушла. К кому-то побойчее ушла.

Расстроился было Куряпин – хотелось ему почему-то послать именно парочку: самца и самочку. Но делать нечего, пришлось Вите Горбушину собираться за рубеж одному.

Родне и приятелям по месту жительства сказал, что наградили его, самого младшего научного сотрудника, за усердный труд отпуском к морю. А сослуживцам – что наследство получил: мол, теткин дом в Моршанске с сеструхой двоюродной продали посмертно и деньги поделили.

– Повезло! – сказали все, и на работе, и по месту жительства.

Один только Витя знал, что денежки придется вернуть, отмыть, как сейчас принято говорить, и вернуть. Куряпин теперь Вите премию будет выписывать в квартал, когда тысячу, а когда и все три с половиной, а Витя – ему отдавать. Такой вот расклад. Целая морока.

Витя Горбушин давно и прочно был человеком маленьким. Не по параметрам своим и габаритам, а по размерам того места, которое он занимал в жизни других людей. Да и в своей собственной, Витиной жизни, если правде в глаза смотреть, он играл небольшую роль.

Витя быстро привык, что всю жизнь ему предстоит пробыть МНСом – мелким незаметным сотрудником, и тогда, когда станет он пожилым и покрытым сеткой морщинок, его по-прежнему все вокруг, даже совсем молодые специалисты, будут называть просто Витей. Он смирился, что масштаб его личности измеряется эпохами или веками, громкими победами и судьбоносными решениями, как у некоторых, а невнятными, неказистыми величинами вроде вершков или наперстков. Ему было очевидно, что над ним всегда, как небо, будет начальство, и с этим уже ничего не поделать. Так и намерен был Витя скоротать – именно скоротать – свой век, незаметно и тихо, без потрясений и новостей, но...

Итак, Витя летел в заграницу. Снял с книжки все денежки, занял еще у матери и у брата Мити, сколько дать смогли, от себя отнимая, да и обменял их все на свободно конвертируемую валюту. Получилось ни много ни мало семьсот тридцать пять долларов.

В аэропорт Витя приехал один, без провожающих. Не маленький, разберется, что к чему, самостоятельно. Институт, чай, за плечами. Главное – не хранить все ценные вещи вместе. Паспорт в пиджак, билет в брюки, бумажник в сумку.

Опрятный, молодой, всего чуть за тридцать человек в очках собрался за рубеж. Что тут такого? Нормально. Когда-то надо начинать жить по-человечески, дышать полной грудью, ходить с высоко поднятой головой. Так, где тут у нас заграница? Ага, мне сюда...

С Леной Витя познакомился сразу, оторопел от собственной смелости.

Он заполнял таможенную декларацию, а у миловидной женщины с ярким рюкзаком за спиной не оказалось ручки, чтобы писать. Витя предложил ей свою шариковую, запасную. Потом она спросила про несопровождаемый багаж, который нужно отмечать в декларации, он заглянул – оказалось, они летят одним самолетом.

На борту сели рядом. Витя положил свою сумку и рюкзачок Лены в ящик над сиденьями. Они разговорились. Лена летела кататься на горных лыжах. Тоже на две недели. От города до высоких гор, оказывается, всего три часа езды на автобусе, но там уже снег и горные лыжники.

Когда разносили обед, Витя и Лена вместе выпили вина, терпкого, красного, со щемлящим привкусом ранней осени и рябью неосознанных желаний. Земля была далеко внизу, под мягкими, чистыми, заботливыми облаками, по которым стремительно и незнакомо скользила тень Витино самолета.

И сам Витя чувствовал себя совсем по-другому, этаким героем киноленты, опытным и неотразимым. И решил он тут заказать у стюардессы выпить еще, тем более, видел, что другим приносят и водку, и даже виски. Прямо на место, в кресло. Эх, заграница!.. Оказалось, что за это надо платить. Доллары! Вот это да! Действительно как в кино!

Надо значит надо. Виски, пожалуйста. «Белая лошадь»! Витя встал, открыл ящик, достал из сумки бумажник и расплатился зеленой бумажкой с президентом в центре. Знай наших! Бросил портмоне на столик перед собой.

Лена от виски не отказалась. Выпили. Тяжелый, колючий, с привкусом свинарника глоток, раздирая глотку, сорвавшимся лифтом рухнул внутрь Вити. На глазах выступили слезы. Витя закашлялся. Голова пошла кругом, дыхание перехватило. Лена слегка постучала ему по спине. Он с благодарностью повернулся в ее сторону. Она улыбалась, в ее улыбке с ямочками на щеках и морщинками у глаз Витя сквозь слезы разглядел доселе невиданное: радость улыбаться ему, Вите Горбушину. Сквозь уже высыхающие слезы Витя каллиграфически отчетливо увидел, что он понравился Лене. Никаких сомнений. Сейчас во все глаза Лена глядела на него с удовольствием и любопытством, надеждой и – просто чудо! – с желанием. О, что тут произошло с Витиной душой! На Витину увядшую, как забытая на солнце виноградинка, душу словно пролили из миниатюрной серебряной леечки с длинным плавным носиком влагу. И не обыкновенную хлорированную воду из-под крана, а окропили, если можно так выразиться, прохладным невесомым северным сиянием, доставленным с самого Северного полюса на упряжке оленей с ветвистыми серебряными же рогами. И Витина душа ожила! Она принялась излучать свет, заискрилась и как бы проросла. Неизвестно, как это выглядит, но ощущение было таково: словно побеги тонкого вьюна, словно усики молоденькой клубники показались на поверхности души и потянулись в сторону сердца. Витино сердце пришло в движение и забило часто и горячо. Чувствуя, что влюбился, Витя выпил еще виски. Пока виски не кончился, Витя размышлял над вопросом: когда открыть Лене свою любовь. С последним глотком он решил, что сделать это нужно немедленно. А тут как раз и прилетели – все на выход. Витя встал, твердо помня, что ценные вещи должны храниться отдельно, и сунул бумажник обратно в багаж.

С Леной простились на улице. Витя уже начал говорить про любовь, но Лену ждал целый двухэтажный автобус с горнолыжниками, и он постеснялся, да тут к нему подошел человек с табличкой «Mr. Kougiarin, Отель ЭКСПО».

Как найти потом Лену, Витя спросить забыл.

В машине Витю развезло. В целом он еще соображал, но ни одного иностранного слова из тех, что усердно заучивал все дни до отъезда, вспомнить уже не мог. Только сидел и пялился в окошко, ничего не соображая.

Встретивший Витю в аэропорту и подвезший его мужчина в гостинице оформил все сам.

В номер Витю проводил гостиничный парнишка в круглой красной шапочке и коротком сюртучке. Витя хотел дать ему чаевые – он специально на этот случай имел один потрепанный доллар. Он начал было шарить в сумке, но вскоре забыл, чего хотел. Парнишка подождал пару минут, потом сунул в руку Вите магнитную карточку, служившую в этом отеле и ключом от номера, и включателем электричества, плотно зашторил окно тяжелой занавеской и, со словами «Тебе надо проспаться», удалился.

Витя провалился в сон.

Когда трехцветный режим светофоров перешел в ночной «желтый мигающий», а мусорщики чутко шевельнулись в постелях, предчувствуя подъем, в Витином мозгу кое-что стряслось. Его мозг, как сухое звонкое березовое полешко, размашисто, с оттягом и кряком, расколола мысль: «Почему я не нашел бумажника?»

Витя сел.

– Где я?

Электричкой пронеслась череда последних событий Витиной жизни. Куряпин, Вероника Павловна, теща, билет, аэродром, Лена, самолет, виски, Лена, Город, автомобиль, портье. Бумажник!!! Деньги!! Где они? Что с ними?

Кромешная тьма. Не видно ни зги. Тишина.

Витя пошевелил пальцами на руках. Пальцы на руках послушались. На ногах? Неизвестно... Мучительно хотелось пить. Воды! Пить! Но не только. Еще и помыть. Помыть кое-где...

По-видимому, пока Витя, разинув пасть, спал, кто-то приказал разбить у него во рту полевой, солдатский, на пять-семь очков сортир, слив в котором, всем известно, не предусмотрен, и запустил туда роту госпитализированных с подозрением на дизентерию новобранцев. Витя, как лопатой, пошарил шершавым языком... густо навалили, салаги. Пить! Воды!! Где вода? Ничего не видно. Почему?

Витя потрогал правый глаз. Глаз был открыт. Широко, в полный размер, только смотреть им не получалось. Второй глаз он отыскал не сразу. Попадалось ненужное: ноздря, ухо, даже коленка, колючая щека... Наконец нашелся и левый глаз, тоже, кстати, открытый.

– Ночь! – осенило Витю. – Ночь тут у них! Понятно.

Витя потрогал руками вокруг себя. Он сидел на койке, одетый, с ногами, в ботинках, в плаще и кепке. Хоть не голый... Витя расширил радиус обследования. Попались: стена, ворсистый пол, сумка на полу, на сумке подвяленная блевотина. До потолка Витя не дотянулся. Надо искать воду.

Из литературы он знал, что Север можно определить по расположению на стволах деревьев лишайника, дорогу домой укажет Путеводная звезда и Южный Крест, сезон дождей длится с мая по сентябрь, а воду поможет отыскать медная рамка или лоза. Есть даже специальные люди – лозоискатели...

– Эй! – несмело позвал Витя.

Ему ответила тишина. Никто из лозоискателей не откликнулся. Как быть? Дождаться сезона дождей?.. Может, домой податься? Где там нужная звезда, которая укажет дорогу? Витя посмотрел вверх. Кромешная тьма. И тут он догадался!

– Идиот! Я же в гостинице, в здании, сквозь потолок звезд не видно. Надо в окно глядеть! Там все звезды. А как найти окно?

На этой мысли Витю вдруг начало мутить. Снизу, из живота, стали накатывать волны. Напористые и мутные. Тоже, видать, мечтали к звездам. Блевать второй раз на сумку Вите не хотелось. Нужно искать унитаза.

Унитазы всегда стоят в туалетах, а в туалеты немощные люди ходят, опять же, как известно из литературы и кинематографа, по стеночке.

– По стеночке! – обрадовался Витя. – Есть логика! Есть новое мышление! Где тут стеночка была?

И Витя подался в путь.

Стеночка была ровной, прохладной и все время справа. Идти вдоль нее Вите нравилось. Скоро, очень скоро он найдет воду. В унитазе. Много воды. И попить, и пасть помыть, и блевануть туда... Великая вещь – унитаз... Витя прибавил шагу и... Уткнулся в тряпку. А это что? Пальто на вешалке? Полотенце? Занавеска? Витя потянул, дернул... тряпка пришла в движение и... на Витю хлынул золотой свет. Портьера отъехала, освободив целую стену света, море света. Сквозь чистое стекло, толкаясь и напирая друг на дружку, в Витин номер ворвались огни. Желтые от степенных уличных фонарей, суетливые светофорные, удаляющиеся редкие габаритные, прямоугольные из окон полуночников и, конечно же, золотистый от большой, круглой, специально наклонившейся пониже Луны. Витя замер не веря, своему счастью: до двери в туалет всего два с половиной метра.

Воду он пил не из унитаза – сказалось высшее образование. Хотя разумнее, конечно же, именно из унитаза. Ноги дрожат, не держат. С коленей было бы куда удобней. Пил он из-под крана. Глоток выходил гулким, протяжным и с комками. Вода нашла дорогу к каждой клеточке, к каждой жилочке и закутку Витинового небольшого тела. Она побурлила вокруг зубов, с шипением всосалась в язык, поплескалась в желудке, прожурчала в тонком кишечнике и прополоскала мозги. Влажные мозги тут же посетила светлая мысль: а почему бы не включить свет? Витя нажал выключатель. Свет не загорелся. Что делать, Витя не знал и отложил эту проблему на потом, когда он прояснит ситуацию с бумажником.

Он поднял с пола свою сумку, старательно обходя блевотину, открыл и заглянул. Бумажника в ней не было. Вывалил всё на пол, порылся. Нет бумажника! Может быть, в плаще? В плаще не было. Тогда в пиджаке? Ни в одном кармане. В рубашке? Нет. В брюках? Пустота. Паспорт на месте. Обратный билет там, куда он его положил. Всякие там страховки-путевки пристегнуты еще мамою к подкладке пиджака. Бумажника нигде нет. Витя сел на пол.

Как быть? Сразу выброситься из окна? Немедленно утопиться одетым в кровавой ванне? Ведь пропал. Совсем как есть пропал. Витя заплакал. Сначала осторожно, тихонечко, скромно, почти бесшумно. Потом осмелел, прибавил подвывания и усилил всхлипы. Дело пошло бодрее, расторопнее. Витя попробовал причитать – получилось, ругнулся – вышло неплохо:

– Сука! Ленка! Сперла бумажник, сволочь! Падла, убью!

Последняя мысль показалась Вите привлекательной: убить лучше попутчицу Елену, а не себя, Витю Горбушина. Пожалуй, надо эту мысль запомнить на будущее. А сейчас, в настоящем, как быть? Как прожить без копейки? С голоду помирать? От жажды загнуться?

Тоска твердыми холодными пальцами сжала его сердце.

Тут Витя увидел пакетик, который его мама все-таки подсунула ему в багаж, хотя он настоятельно просил этого не делать. Витя его развернул – бутерброды. На кусках белой булки лежали ломти любительской колбаски. Подсохшие было Витины глазки опять увлажнились. Мамочка... нужно будет разделить эти три бутерброда на четырнадцать частей. Вот и четырнадцать обедов, сухим холодным пайком. Горячая слеза сползла по щеке.

Как бы сохранить питание? Витя сквозь слезы оглядел комнату и тут впервые (не пейски в самолете!) он увидел холодильник, маленький такой, под столом стоял. Витя приблизился к нему, прижимая бутерброды, как братьев, к груди и открыл... А там – минералка, кока-кола, пиво двух сортов, орешки, шоколад, чипсы... е-мое... живем! И тут в глаза ему бросилась маленькая, аккуратненькая такая, миниатюрная, как японка, пятидесятиграммовая бутылочка – виски «Белая лошадь».

Витя побежал блевать.

Занималась заря...

Утро застало Витю унылым.

Звонить – пусть высылают деньги? Матери? Брату? У них денег нет. Куряпину? Что он подумает? Да и на какие средства звонить? Продать чего-нибудь?

Витя осмотрел вещи. Часы «Слава»? На Родине стоят как две кружки пива, а здесь что дадут?

Кому нужны Витины тренировочные брюки с вытянутыми коленями, облеванная сумка, клетчатая рубашка, носки, перочинный ножик?

Ботинки? Витя посмотрел на ботинки.

Новые, всего второй сезон пошел. Крепкие, прошиты двойной ниткой, подметка кожаная, шнурки без узлов... Эх, шнурки... Может, повеситься на них – и дело с концом...

Нет, неплохие все-таки ботиночки. В ГУМе брал. В таких ботиночках можно шагать и шагать еще. Отсюда до Москвы прошагают. А зачем до Москвы – до аэропорта только, километров пятнадцать-двадцать всего. Дойду!

Витя надел ботиночки и пошел завтракать, завтрак входил в стоимость. Есть ему с похмелья не хотелось. Но есть надо. Впрок. Да и припасти чего-нибудь на вечер было бы неплохо.

За завтраком в стиле «шведский стол» ему под пронизывающими взглядами официантов удалось выкрасть только один помидор, да и тот небольшой. Остальные продукты, которые он использовал как положено, через рот, а не через карман, Витя донес только до унитаза в своем номере. Вывернуло наизнанку. Пустым, в широком смысле этого слова, Витя собрался в Город.

А Город блаженствовал. Он сидел, развалившись на холмах, опустив натруженные, мозолистые, все в переплетении извилистых жилок стариковские ноги улиц в еще теплые, лечебные, с йодом и кальцием, соленые, взбитые шхунами и исчерченные яхтами прибрежные волны, шевелил пальцами и шурился на солнышко, как бы прося добавить горяченькой.

Солнце уважало старика и редко ему отказывало. Оно полировало его старую голову и прогревало морщины. Разумеется, когда ветер не нагонял туч.

Город презирал ветер. За беспечность. За то, что тот не признавал авторитетов. Похвально, когда ветер развеивает флаги, и полезно, если надувает паруса, но юбки... юбки зачем задирать? Зачем поднимать пыль на мостовых и песок на пляжах? Это озорство, так же как и гонять обрывки вчерашних газет по бульварам и шелестеть без толку лохматыми пальмовыми ветвями на набережных и пристанях. Еще ветер любил хлопать ставнями и валить зонтики в кафе, что, согласитесь, не солидно... Но самое последнее дело – это нагонять тучи. Тучи с дождем. Зачем мне дождь? – думал Город. – В мои-то годы... Ревматизм, понимаете, радикулит, хондроз...

Но больше всего Городу докучали люди. От них чесалось в бороде и першило в горле. Они гомонили на площадях, не давая вздремнуть, пели в церквях и орали на стадионах. Ковыряли старика отбойными молотками и топтали парадами, затевали празднества и шествия, митинги и попойки, крестины и смотрины. Ох уж эти смотрины... В последнее время, лет сто как, появилась новая мода – съезжаться толпами со всего света. А спроси: зачем? Ответят – осматривать. Вот, поглядите на него – еще один прибыл, новенький, чтоб его... Витя Горбушин называется...

Витя боялся Города. Боялся его гнева, его насмешек и его равнодушия. Стеснялся своего безденежья, робости, неказистой внешности, одежды не по сезону и бытовой неискушенности.

Сейчас, стоя перед дверью, Витя не был уверен, что в Древний Город можно входить без стука. Он взялся за ручку, оглянулся – не посмеивается ли над ним портье, – потихонечку отворил и, втянув голову в плечи, вышел.

В Городе дурачилась суббота.

Дети от шести до двенадцати спешили в центр «Маремагнум» на карнавал. Со всего города слетались легкокрылые мотыльки и бесшабашные бабочки. Сходились мудреные звездочеты и прозрачные принцессы. Вышагивали полосатые пираты и франтоватые мушкетеры. Брели длиннохвостые коты в великоватых сапогах и микроскопические дюймовочки в фиолетовых шапочках. Балансировали на бордюрах рискованные трубочисты и пританцовывали нетерпеливые чиполлино. За ними еле поспевали их импозантные, внешне строгие, но очень добрые и чуткие внутри бездетные тети.

Витя Горбушин шагал по улице Риволи.

Дедушки спешащих на карнавал собирались на корриду. Они в качестве разминки грозно сдвигали густые брови, пробуя разместить на своих смуглых лицах «оценивающий взгляд тонкого знатока и ценителя боя быков». Но у них выходило не всегда. «Оценивающий взгляд» все время норовил сползти налево и прилипнуть к коленкам и задницам своих вертлявых невесток, спешащих к назначенному часу в парикмахерские.

Витя свернул на Пиккадилли.

Папы мотыльков расселись по кафе с футбольными газетками. Им сегодня предстоит делать ставки на игры в национальном чемпионате. А пока можно позволить себе пару кружек пивка или бокальчик «риохи» за удачу. Выпьют они с дядьками звездочетов и старшими братьями пиратов. Дело шло к полудню.

Витя одиноко шел сквозь бурлящую толпу на Вацловской площади в направлении к Карлову мосту через реку Тибр.

Заполнились ресторанчики на бульварах и набережных. Из магазинчиков и лавок высыпали назойливые зазывалы. Повсюду предлагались сувениры: ожерелья из пыльных кораллов, китайские брелки с Эйфелевой башней, настенные тарелки с бесстыжим Давидом Флорентийским, кружки с бракованной башней из города Пиза и открытки, открытки, открытки...

Витя ничего не брал. Он обходил лотки стороной и вежливо пропускал вперед степенно входящих в храм Святого Петра и Нотр-Дам де Пари микроскопических бабушек микроскопических дюймовочек в фиолетовых шапочках. Пробили к обеду.

Туристы выстроились в очереди в Лувр, галерею Уффици, музей Прадо, Эрмитаж и Ватикан. Витя побрел дальше по улице Ракоци, свернул на Сансетбульвар, прошел по авеню Фош, постоял на Трокадеро и направился взглянуть на фонтан, где опытный стоматолог Самсон выскивает кариес в зубах здорового льва.

Зажглись огни на террасах и подфарники у такси. В «Опера Гарнье» заиграли увертюру, прогулочные пароходики причалили к пирсу у Цитадели. Молодые незамужние женщины стали громче смеяться незамысловатым шуткам моряков, сошедших на берег у мола Святого Бертрана. Старосты закрывали двери гулких церквей, поторапливая особо истовых богомольцев, а прекрасные девушки уже садились на задние сиденья перламутровых мотоциклов своих юношей, чтобы вместе, подставляя лицо влажному ветру, умчаться на край света.

Витя шел.

Когда солнце село за холм с садами Гуэль, стемнело. Карнавал давно закончился, мотыльки превратились в коконы, а Дюймовочки – в Спящих Красавиц. Коррида, как и все теперешние, в отличие от прошлых, прошла бездарно, за что влетело бабушкам мушкетеров. Невесток парикмахеры причесали отменно, но оценить пока было некому. Папаши в тотализатор сегодня выиграли. По чуть-чуть. Пора расплатиться за свое пиво и идти домой. Официант, счет! По дороге им встретились прекрасные девушки, которые как раз возвращались на мотоциклах с края света.

И Витя Горбушин пешком возвращался в гостиницу, чтобы съесть украденный за завтраком помидор с одной четырнадцатой маминога бутерброда и лечь спать.

Город Витя обошел весь.

Проснулся Витя здоровым и голодным. Похмелье кончилось. К завтраку он спускался, мечтая, как будет рассовывать по боковым карманам омлет, а сосиски одну к одной составит во внутренний карман, рядом с шариковой ручкой. Сыр, колбасу и ветчину, которые они тут тонюсенько нарезают, Витя положит между страниц взятой с собой книжки в мягком переплете. Положит перед собой, словно читает за завтраком, такая у него вредная привычка, нужно страничку перелистнуть, и он туда раз... колбаски краковской, еще страничка – сырок пошехонский. Там и салаты вчера были, компоты, пряники, тосты. Жаль, что брать можно только плоские продукты питания, – а вдруг к вечеру захочется чего-нибудь кругленького или длинного? Как выносить сардины в оливковом масле? В рыбе так много фосфора, а он необходим для мозговой деятельности. «Что-нибудь придумаем», – махнул рукой Витя и прибавил ходу.

Дверь в столовую оказалась заперта. Завтрак Витя проспал. Харчи со столов съели и рассовали по карманам другие туристы. На книжку, в которой он планировал выносить колбасу, упала слеза.

Витя вышел на улицу. Город жрал.

Пищцу с грибами, гамбургеры, макароны, пельмени, устрицы, котлеты, пирожки, орешки, картошку фри и курей гриль. Запивал все это пивом, кока-колой, калифорнийским красным и белым мускатом, чаем, текилой, молоком и апельсиновым соком. А еще он потягивал кофе. Густой, вкусный-превкусный, с седой, словно прокуренные усы старого рыбака, пенкой черный кофе.

Есть хотелось жестоко. В животе урчало так, что если бы не гомон толпы, на Витю бы оглядывались как на приближающийся гусеничный трактор.

Он попил водички из фонтана Треви. Идти было никуда. Все уже видел вчера. И решил он постоять. Но, чтобы не торчать истуканом в проходе, пристроился в конец очереди, ведущей на строительную площадку храма Святого Семейства. Желающих туда попасть было немало. Очередь на час.

Между тем к голоду добавилась еще одна мука – захотелось курить. Вчера с похмелья не тянуло, а сейчас...

Сигарет из Москвы Витя взял только пачку и метко ее облевал в первую ночь. Вы будете курить облеваные сигареты? Вот и Витя не стал. Выкинул еще вчера.

А сегодня, наверное, не выкинул бы. А вы?

Очередь подходила к кассе, и Витя уже подумывал, не пойти ли занять ее заново, как вдруг рядом прозвучала родная речь:

– Я такую очередь стоять не буду. Зачем мы тогда Перестройку делали? За что корячились? – говорил пузан в спортивном костюме и курил. Курил на всю округу. Витя не выдержал:

– Товарищ, вставайте ко мне, я вас пропущу.

– О, ништяк, братан! Клево! – Компания из четырех пузанов обоего пола пристроилась перед Витей.

– Давно стоишь?

– Час. Я сигареты в гостинице забыл... – начал Витя.

– А чё не купишь?

– Мелочи нет, – покраснел Витя.

– Кури, чего уж там... – протянул ему пачку «Дуката» пузан-перестройщик: – Бери две. Витя взял две и пошел в конец очереди.

За час с небольшим он, таким образом, ставя туристов в очередь, скопил семь сигарет и две жевательные резинки. Резинок он не просил, угощали сами.

Дело Витя поставил так: занимал несколько очередей и отходил курить к лотку с буклетами и путеводителями, листал, якобы выбирая. Попадались и на русском языке. Витя углубился в чтение. Короче, к вечеру Витя знал все, что нужно знать рядовому туристу. Когда кем построено и нарисовано, как добираться, где что и почему есть и пить, где делать покупки и куда звонить. Хотел все это Витя рассказать очередным соотечественникам, но очередь рассосалась. Храм закрыли. Витя пошел домой есть вторую четырнадцатую бутерброда. Ночью ему снились даты.

На завтрак Витя явился первый. Повара еще спали. Не беда – в холле тоже есть лоток с буклетами. Темой углубленного исследования стал Версаль.

Наконец открыли столовую. Витя оказался ее единственным пока посетителем. Шведский стол ломился от продуктов питания. Бери и ешь.

По опыту зная, что тарелки начнут пустеть через час, в самый наплыв посетителей, резчик колбасы отправился потискать горничную третьего этажа, жарщик яишен, известный лентяй, задремал, пекарь включил спортивные новости, а кондитер пошел побольшему. Просчитались! Ошибка вышла в расчете! Наплыв им Витя обеспечил сам, один. Жрал и прятал! Прятал и жрал! Омлет, салат – по карманам. Сыр, ветчину – в книжку. Йогурт, масло, мед, джем за пазуху, хлеб за пояс, маслины в носки. Огурцы, сосиски – в рукава, виноград – в кепку, рыбу – в трусы... Брал всё! Плоское, круглое, продолговатое, угловатое, кустистое, ворсистое... Не

до церемоний. Пора, конец, отходим... И, пока повара раскачивались, Витя побежал, опасаясь погони, дожевывая на ходу, к себе в номер – прятать добычу. Он понимал, что допускает стратегическую, роковую ошибку, что завтра за ним будут зорко, с пристрастием следить, но поделаться с собой ничего не смог. За спиной оставался не шведский стол, а пустыня Сахара. Без оазисов...

Рассортировав по укромным местам провиант, Витя отправился добывать сигареты.

Очереди в музеи уже выстроились.

Управившись за час с дневной нормой сигарет и ознакомившись по путеводителю с особенностями местной кухни, Витя не стал занимать очередь, а остался с поставленными к себе в очередь туристами из Арзамаса. И принялся щедро делиться с ними накопленными знаниями. Как положено, он доложил даты и размеры, годы правления и гонения, изложил этапы становления и основные направления, обрисовал, как водится, перспективы и высказал сомнения. Только он хотел приступить к количеству ступеней и колонн, как вдруг почувствовал позыв.

Позыв сокрушительной силы. Захваченные врасплох за завтраком харчи разобрались, что к чему, и устроили свару. Особенно сильно конфликтовали между собой соленые огурчики-корнишоны и смородиновый йогурт.

Витя впал в уныние, перетекающее в панику. Справа от него лежала равнина Дворцовой площади, слева текли воды Темзы, за спиной стояли стены Колизея, а впереди рос величественный Храм Святого Семейства. Ни одного укромного местечка. Нет, удобства были. Сколько хочешь. Но за деньги. Акт опустошения стоил, как Витя вычитал в туристическом справочнике, пять сольдо. Именно за столько Буратино продал свой букварь. У Вити букваря не было. Напирало, однако, уже из всех щелей. Бежать в гостиницу? Абсурд! Гостиница располагалась аж за Монмартром, в самом центре Сохо. Не добежишь. Продолжая гнать познавательный текст из путеводителей, Витя принялся пританцовывать, а в самых созвучных его состоянию местах истории, таких, как бомбежка Дрездена и открытие Миклухо-Маклаем尼亚гарского водопада, он даже извивался.

Он торопливо шагал вместе со старой гвардией маршала Мюрата, настороженно замирал, как египетский сфинкс, скакал по-половецки и танцевал в стиле кочевых племен Руанды.

Зрителям Витино выступление понравилось. Их собралось уже немало и подходили еще. И, когда он делал вдох, чтобы перейти от дворца императора Диоклетиана, что в Далмации, к горячему Делийскому столбу, одна полная женщина из Ростова-на-Дону перебила его вопросом:

– Молодой человек, сколько вы возьмете за экскурсию по местам боевой казачьей славы с делегации из пятидесяти человек?

– Пять сольдо! Но деньги вперед! – прокричал Витя и, схватив сольдо на лету, побежал в туалет Колизея, холодея от мысли: а вдруг этот теперешний позыв – всего лишь осторожный авангард подступающей могучей серии?

Обошлось...

Витя стал пользоваться спросом. За ростовскими казачками, за символическую, согласитесь, плату познавшими всю многовековую, богатейшую, с отступлениями и ремарками историю казачества, последовали эвенкийские оленеводы, которые хотели подтверждения смелой гипотезы о том, что войска Ганнибала по Месопотамии передвигались не только на боевых слонах, но и на боевых оленях. Такие научные подтверждения оленеводы от Вити, разумеется, получили, и всего-то за четырнадцать дукатов. Но это не всё! За триста лир Витя доказал, что слова любимой песни Кола Бельды с припевом «А олени лучше...» – это, вне всякого сомнения, авторизованный перевод (имеются неоспоримые документы в библиотеке ЦРУ, которые будут рассекречены со дня на день) боевого марша улан Александра Македонского, выполненный Данте Алигьери специально для эвенков. Эвенки остались довольны и, подарив Вите

бутылочку мутного пантокрина, добавили, что теперь всё расскажут якутам – пусть те попляшут. Под бубен... Про якутский бубен Витя тоже много чего знал, но пока промолчал.

Так прошел еще один день.

Утром в столовой Витю уже ждали. Вся вахта в полном составе. Четыре повара и три официанта. Обложили капитально. Глаз с него не спускали. Жаждали момента, когда Витя сунет себе в карман что-нибудь вроде яичницы с беконом, и тут они налетят всем скопом и «сделают ему стыдно».

Да такое «стыдно», после которого долго не оправившись.

Витя задумался. Уходить с пустыми руками он решительно не хотел. И дело даже не в голоде, который подберется к нему сразу после полудня, – на кусок пиццы с грибами Витя заработал. Дело принимало принципиальный оборот. Кто – кого.

Витя одновременно с салатом из помидоров нажевал три жевательных резинки и, имитируя доставание изо рта рыбной косточки, извлек и приклеил их, основательно расплющив, ко дну тарелки. После этого направился к столу за десертом. Выбирая себе выпечку, Витя, якобы в крайней задумчивости, опустил свою тарелку и прижал ее плотнее к блюду с мясной нарезкой. Возвращаясь на свое место, Витя держал тарелку снизу. Ко дну ее прочно прилипли два ломтика сырокопченой и один, но большой, кусок вареной, аналога российской докторской.

Покидал столовую он хоть и под снисходительные взгляды персонала, но с ликованием внутри. Дух победы прочно обосновался в неширокой Витиной груди.

Как и договаривались, туристы уже ждали Витю возле Акрополя. Семья Ханты и семья Манси. Сегодня речь пойдет о Древней Греции. О персональной ответственности богов Олимпа, о воинских званиях в Спарте, росте Родосского колосса и размере лифчиков Венеры и Афродиты.

Витя был в ударе.

Перед взорами слушателей проплыли катера на воздушной подушке шкипера Одиссея. Молнии Зевса метко попадали в громоотводы Парфенона. Хрупкие, воздушные амфоры заполнялись недорогим краснодарским «рислингом» со склонов Эльзаса, голые мужики на Играх делали без фотофиниша стометровку за девять и пять и забрасывали плотницкие молотки за турникеты Центральной спортивной арены.

Экскурсанты внимали. Вопросов не задавали. Кроме одного, к которому Витя был готов: где выгоднее всего купить шубу? У площади Омония.

В шубной лавке было шумно. Торговля была в самом разгаре. Брали всё: канадскую норку себе, серебряного песца снохе, кролика мамаше, горностая дочери. Приценивались даже к козлику, но тот пахивал чем-то невкусным.

Витя стоял в сторонке, тихо ожидая гонорара за экскурсию. Сегодня он запросил чetyреста песо. Дадут – и вопрос неудержимых потребностей будет закрыт до конца срока. Можно будет за завтраком брать йогурт, не оглядываясь на мнение огурцов.

Туристы расплатились за шубы, выпили с хозяином по рюмке «метаксы» и, растроганные сервисом, потянулись к выходу. Витя всем своим видом скромно показывал, что ждет оплаты. Вспомнили и о нем. Дали. Он бережно пересчитал желтые купюры, в который раз вздохнув о своем бумажнике, и собрался выходить вслед за Ханты и Манси из магазина.

– Стой! – властно остановил его только что услужливый и невозможно почтительный хозяин шубной лавки. Витя встал.

– Приводи еще, – шепнул хозяин и сунул ему в ладонь комок свернутых бумажек.

На улице Витя быстро попрощался с туристами и за углом раскрыл ладонь. Сорок тысяч драхм! Половина той суммы, что попутчица вытащила у него в самолете.

Так Город одобрительно похлопал Витю по плечу. Прошло несколько дней. По утрам на обычном рабочем месте Витю всегда ждали. Сегодня многочисленное семейство из Казани хотело вкусно отобедать. Только без свинины. И Витя должен был им в этом помочь. Не в том

смысле, что обследовать и вытаскивать из их тарелок все, что имело отношение к этому сытному животному, а в том, чтобы не допустить его попадание туда. То есть привести в ресторан и объясниться с понятливым официантом.

Такое место Витя знал. Сербская корчма в Дубровнической крепости. Все знакомо, похоже, даже матерные выражения. Сиди и радуйся. Туристы остались довольны и заплатили, разумеется, и за Витин ужин. Голод отступил на сутки. Когда прошались с хозяином, старым Зорко Стоичем, тот просил Витю зайти к нему через минуту со двора. Витя зашел, получил четыреста хорватских куно, литровую бутылку вина и длинную палку твердой, хорошо прокопченной колбасы, и услышал:

– Приводи еще.

Витя был горд, что его поблагодарили и те, и эти. Он был счастлив, что оказался нужен и этим, и тем.

Нет, определенно Город полюбил Витю.

Сейчас Витя, срезая путь в гостиницу, шел по извилистой прибрежной улице в небогатом рыбацком районе, где соленый воздух навсегда пропитался запахом выброшенных из сетей водорослей и ароматом супа из жареных панцирей тигровых креветок. Шел по району, где не проходит мода на бело-синие тельняшки и выцветшие зюйдвестки, где туго наполнены попутным ветром парусиновые занавески в открытых окошках с зелеными подоконниками, а на лицах встречаемых мужчин навсегда поселился бронзовый загар. Шел и думал:

– Я здесь больше недели. Я не пропал, не сник. Я много увидел и узнал нового. С Городом мы поладили. От постоянного движения я окреп, похудел, стал уверен в своих силах. Я ни от кого не завишу и никому не должен. У меня хватает денег отдать долг матери и брату.

– Эй ты! – вдруг окликнули Витю двое.

– Подойди-ка сюда. А сами уже шли к нему. Черные, небритые, в спортивных костюмах на голое волосатое тело.

– Мы давно за тобой наблюдаем. Активно работаешь. К тебе неплохо прилипает. Надо делиться.

– Делиться? – удивился Витя. – Почему? Я уже делюсь.

– С кем? – насторожились брюнеты. – С тамбовскими? С Бубоном?

– Нет, не с бубнами. Я делюсь со всеми желающими. И делюсь я знаниями. Могу и с вами.

– Знаниями?! Мы и без тебя всё что нужно знаем, сука! Нам бабки вобщак нужны, зону греть.

– Что греть? Тепло на улице. Ничего греть здесь не требуется, – Витя был озадачен.

– Тюрьму греть. Зекам деньгами помогать, питанием, куревом, адвокатам платить, чтоб отмазывали, судьям, прокурорам, работникам правоохранительных органов, чтоб срок скостили.

– Кому помогать? – не понял Витя.

– Заключенным.

– А за что их заключили-то?

– Да кого за что. Кто ларек грабанул, кто бумажник вынул, кто еще за что. Какая разница, за что. Надо греть! Так положено. Гони бабки. Половину. Если сейчас нет, должен будешь. Завтра отдашь на четверть больше. Понял?

Витя все понял, и стало Вите грустно. Опять у него есть руководители, начальство, хозяин. И, как всегда, не Витя ищет и выбирает себе начальство, а оно само его находит и навязывает ему свои платные услуги.

– А те, у кого уже того... – спросил он. – Тоже должны?

– Что «того»? – не поняли брюнеты.

– У кого бумажник уже вынули.

– Э-э-э... Ты дуру-то не гони. Как мы проверим, что бумажник у тебя действительно вынули? Плати, не упрямясь, – оскалили золотые фиксы брюнеты. – Может быть, ты не хочешь? – Недобро прищурились волосатые, уверенные, что их давно заученного спектакля устрашения хватит с избытком на этого невысокого Витю. – Не хочешь греть зону?

На скопленные деньги Витя планировал купить матери кофту из исландской шерсти, чтобы прогреть суставы. Витина мама никогда не грабила ларьков, не вытаскивала из сумочек чужих кошельков и не залезала в квартиры через форточки, хотя была совсем невеликих, а значит подходящих размеров. Даже машин она не угоняла ни разу. Может быть, именно поэтому ее и не нужно «греть»?

– Нет, – сказал Витя и испугался. Спроси его сейчас: чего ты, Витя, испугался? – он бы ответить не сумел. Его никто никогда не бил, и Витя не знал в точности, насколько это больно. Никто у него ничего никогда не вымогал, и поэтому не было известно, как это унижительно. Так чего же он испугался?

– Как это «нет»? – насторожились брюнеты. Они не любили непривычного. – Какое еще «нет»? – удивились брюнеты.

А Витя испугался, что у него опять будут начальники, которые опять будут им владеть. Посылать и спрашивать с него по-хозяйски, уверенные, что имеют на это право. Испугался, что опять станет тихим и робким, незаметным и покорным.

– А вот такое «нет»! – холодея от собственной смелости, Виктор Горбушин собрал свою робость, нерешительность, осмотрительность и незаметность, так ему надоевшие за тридцать с лишним лет, в правый кулак, в котором как раз оказалась палка хорошо прокопченной твердой колбасы, размахнулся во все плечо и ударил ею в лоб старшего брюнета.

Удар был хорош. Колбаса сработала как надо, лучше милицейской дубинки. Небольшой мозг брюнета сразу перестал думать о Витиных деньгах, а сам брюнет свалился на пыльную мостовую. Но оказалось, что у Вити скопилось так много покорности и робости, что одним ударом ее не выбить. И Вите пришлось снова взмахнуть колбасой. На этот раз над головой младшего брюнета. Младший оказался посмышленней, и колбасой ему перепало уже по затылку, да и то вскользь, что ему только прибавило скорости. Гнаться за младшим брюнетом Витя не стал.

Оставшиеся до отлета два дня Витя провел в обычных хлопотах. Провел пару экскурсий, посетил пару магазинов, поужинал в паре ресторанов и купил домой подарков. Щедрых и от души. Брюнеты на глаза ему не попадались.

В аэропорт трезвого на сей раз Витю отвозил тот же сотрудник турфирмы.

Вите было грустно покидать Город. Он его полюбил, трепетной, пылкой и честной любовью. Полюбил как настоящего друга, который подставил ему плечо в трудную минуту. Полюбил как отца, который дал ему дельный добрый совет и путевку в жизнь. Полюбил как брата, с которым делил невзгоды.

Городу Витя тоже пришелся по сердцу, ему нравились деятельные ребята.

Подходя к стойке регистрации на рейс до Родины, Витя еще чувствовал на своей спине ласковый взгляд из-под густых седых бровей Города и испытал прилив благодарности. «Надо Куряпину отплатить, и отплатить щедро, с походом, горкой, – думал Витя. – Подарю-ка я ему туристическую путевочку в дальнюю страну и сам приеду в аэропорт проводить... А там, чтоб интересней поездка проходила, бумажничек куряпинский вытащу и жене его подсуну в сумку... То-то мужик повеселится!» Витя сладко порывисто вздохнул.

– Виктор! Виктор, наконец-то я тебя нашел!

«Кто мне может кричать?» – подумал Витя. Он обернулся и – не побоимся этого слова – обомлел. Перед ним стояла Лена.

– Виктор, я так переживала: ты случайно свой бумажник засунул в мою сумку, и я увезла его с собой. – В руке Лены был зажат Витин, потертый коричневый бумажник. – Как же ты прожил все это время без копейки денег?

Лена за эти дни загорела, и ямочки на ее щеках загорели, и морщинки у глаз тоже. Да что там говорить! – загорела вся ее улыбка. А глаза выцвели до небесной голубизны.

– Витя, когда мы расставались, ты хотел мне что-то сказать, а я поторопилась и уехала, но... Но мне кажется, я знаю, что именно ты начал тогда говорить.

– Что? – потянулся к ней Витя.

– То же, что и я хочу сказать тебе с той самой минуты, когда тронулся мой автобус.

Услуга

Икота, икота, перейди на Федота, С Федота на Якова, С Якова на всякого...
(поговорка)

Сегодня у Якова Борисовича выходило на «отлично». Сегодня он наконец получил новую машину. И именно ту, что хотел весь номенклатурный период своей жизни. Заветная марка, любимая модель, кузов с оттенком мечты, внутренняя обивка – цвета исполнения желаний. Комплектация у авто – класса люкс, как у перезрелой невесты из однодетной семьи потомственных торговых работников. В таких, если покопаться, среди многого ненужного отыщется совсем небывалое. Наконец, и самое приятное, – платить за автомобиль Якову Борисовичу не пришлось ни копейки. Машиной Якову Борисовичу Целкингу дали взятку, и тот взятку принял.

Сейчас Яков стоял в своем гараже и глубоко, если так можно выразиться, шурился. Даже, если, опять же, можно так выразиться, шурился вдвойне, потому как не от металлического блеска наручников на запястьях это делал, а от счастья.

Взяткодатель оказался человеком приличным, свои обещания выполнил, и передача прошла безупречно. Это ли не счастье? – Вот гляжу я на тебя, Яков, и думаю, – вместо приветствия, нарушая очередной острый приступ подкатившего к горлу Якова Борисовича счастья, проговорил, заглядывая в ворота, член правления Альберт Альбертович Федотов, – какой же ты надежный и серьезный мужик. Все-то у тебя по-людски. И гараж, и машина, и дача, и, надо полагать, семья.

– А что это ты, Альберт, про такое заговорил? – обнаруживая изрядную пронизательность, ответил Целкинг и переложил специальную салфетку для протирки автомобильной оптики в левую руку, освобождая правую для пожатия.

Рукопожатие вышло крепким, надежно замыкающим отношения солидных зрелых мужчин.

– Помощь твоя нужна, Яков. Никак без тебя не обойтись. – Федотов помолчал, словно донашивал положенный для рождения серьезной полновесной мысли срок, и продолжил. – Больше и положиться не на кого, одни вертихвосты, верхогляды и пустобрехи вокруг. – Тут он опять помолчал и закончил, как бы подводя итог: – Измельчал народ.

Якову Борисовичу такие слова понравились, был он с такими словами целиком и полностью согласен. И про народ, и про окружение народа, и про свою надежность, но ответил сдержанно:

– По делу говори, некогда мне сейчас дифирамбы слушать.

Но сам от удовольствия порозовел, зарумянился. Надо отметить, заместитель генерального директора Второго насосного завода по общим вопросам Яков Борисович Целкинг любил и ценил теплые о себе слова, и толк в них знал. Натренированным ухом сходу отличал он грубую лесть от невинного воздушного подхалимажа, галантный кружевной комплимент от справедливой, но объективно высокой оценки, искреннюю, идущую из глубины сердца хвалу от скороспелых нашептываний мелких подлиз.

Якову Борисовичу столько раз проходило, фигурально говоря, шуровать язычком по интимным участкам тел прямых начальников и непосредственных руководителей, добиваясь правильной резолюции, что считал он себя в этом деле знатоком-ценителем высшего разряда.

– Просьба у меня, Яков, – Федотов приблизился и понизил голос, – весьма деликатного свойства.

Яков Борисович тоже приблизился, и в голове его стрижом пронеслось, что в долг Алику он давать не станет.

Федотов среди пайщиков гаражного кооператива «В добрый путь! – 7» слыл человеком ушлым. Слыл он также человеком полезным и денежным, да к тому же кандидатом на пост следующего председателя кооператива. Ссориться или хотя бы вступать с ним в разногласия считалось недальновидным, если не сказать глупым поступком. С Альбертом Альбертовичем ухо требовалось держать остро. Если можешь, то помоги ему – он не забудет, но если не можешь или не хочешь, то вывернись осторожно, так, чтоб не нажить себе влиятельного недоброжелателя.

– Да сумею ли я оправдать столь высокое доверие? – Вроде как в шутку, но с намеком на положение Альберта Альбертовича, отозвался Яков Борисович. – Что мы можем, рядом с вами, людьми высокого полета?

Обмен любезностями прошел на неплохом уровне. Оба пока оставались довольными.

– Ты из Москвы никуда не уезжаешь, Яков?

– Сейчас или вообще? – уточнил Яков Борисович. – Вот приберу в машине, – он любовно оглядел автомобиль, но акцентировать на нем внимание Федотова, опасаясь вопроса о цене, не стал, – и на строительный рынок поеду. Шурина надо подарок на день рождения присмотреть. Может быть, бензопилу импортную или электрорубанок куплю. Шурина дачу строит – ему пригодится. Потом обратно домой – футбол в четыре начнется. А что?

– Из города, я имею в виду, в ближайшие дни шесть-семь не уезжаешь?

– Вроде нет, – осторожно ответил Целкинг и тут же оживился, словно вспомнив приятное: – Жена моя в командировке в Питере, на выставке какой-то, в пятницу вернется. А сам я здесь с тещей, на хозяйстве, за старшего.

– Очень хорошо! – Оживление почему-то передалось и Альберту Альбертовичу.

– Что именно?

– Да это я так, к слову. Уезжаем с женой на неделю в Арзамас. У моей сестра Нинка там замуж во второй раз собралась. – Альберт Альбертович умолк, словно не решался что-то сказать.

– Ну, и что? Замуж – это дело в целом неплохое. Бабам всегда почему-то нужно замуж.

– Уезжать-то уезжаю, а на кого оставить – не решил...

– Собачку, что ли?

– Не, не совсем...

– Кота? Кота не могу, прости. У тещи аллергия на шерсть. Рад бы помочь, но... – Яков испытал легкое облегчение.

– Да и не кот вовсе, а... – Тут Федотов, словно наконец на что-то решившись, заговорил громче, четче и короче. – Помнишь, я тебе свою запаску давал, а сам с лысой неделей ездил? А когда в девяносто пятом тебя за задолженность хотели попереть, я против проголосовал, не забыл?

– Когда было-то?! Но помню, Алик, разумеется, помню. А что? Что случилось-то? – Яков уставился на Федотова.

– Выручай, Яша. Дело у меня к тебе. – Альберт Альбертович опять замялся.

– Какое дело? – Целкинг был не прочь услужить Алику по мелочи, но ему не понравилось, что тот его своим должником выставляет. Да и вообще, что за манера – темнить?

– Говорю, уехать надо, а Галочка моя ногу подвернула, из дому выйти уже три дня не может, сиднем сидит...

– Дочка, что ли?

– Не-а... – И тут Алик выдохнул: – Любовница.

– О как! А где она сидит-то? Дома у тебя?

– Ты чё!? В своем уме? – болезненно встрепнулся Альберт Альбертович. – Я же женат! Забыл? Квартиру ей снял. Однокомнатную, правда, но с мебелью, телевизором и прочим...

Все как положено... Лежи и радуйся. А тут как назло, одно к одному, она возьми и ногу-то подверни...

– А нога-то ее тебе к чему? – заулыбался Яков Борисович. – Ты же не наперегонки с ней бегать собирался... Ты же, я понимаю, в другие подвижные игры играешь... Тут радикулит опаснее...

– Верно говоришь. Но я к тому, что в Арзамас катить надо, а она, Галочка эта...

– Что, простаивать будет? Без дела лежать? Да, это нехорошо... А за квартиру, однако, плати. – Яков посочувствовал соседу. – Сколько за хату запросили-то?

– Да не в этом дело. Из дому она выйти не может, ни за питанием, ни за пивом, ни за сигаретами... – Алик сокрушенно покачал головой, поглядывая изпод бровей на Якова.

– Она что, у тебя и курит, и пиво пьет?

– А что, девка молодая, здоровая, современная.

– А сколько ей? – На девятнадцать лет меня младше, – с гордостью сказал Алик. – Двадцать четыре. Весенний возраст – садов и клумб цветенье... Не женщина, а бисквитный торт с добавкой.

– С какой еще добавкой? – заинтересовался Яков Борисович.

– Ну, это, брат, в двух словах не передашь, это не одну ночь раскушивать надо, пока все распробуешь. Богатая женщина... и щедрая.

– В каком смысле? Из богатой семьи, что ли?

– В смысле тела... Тела на ней видимо-невидимо, во все стороны так и прет тело... – Алик причмокнул и передернул брови, демонстрируя мечтательность. – Такое тело, что за неделю не управисься. – В тоне Алика проскочили просительные нотки. – Подключайся, Яша, помоги.

– А что именно делать-то нужно? Уж не это ли...

– Сегодня я все сам сделаю, – пропуская последние слова, ответил Федотов, – а завтра к вечеру уж ты. Подъедешь, корма задашь, напоишь, ободришь... Она, может, попросит еще чего... В общем, по месту определишься, ты парень смысленный. – Алик заметно повеселел.

– А корм-то какой взять? Пельменей? Котлет в кулинарии? Овсянку? – Яков Борисович перешел на конкретику. В глубине души ему уже захотелось взглянуть на Аликову богатую телом Галочку. – Колбаски одесской?

– Бери что попостнее. И так в нее по пояс провалиться можно. Я сперва, когда к ней подбираюсь, глубину меряю. На овощи налегай, рыбу, фрукты...

– Картошка, капуста и яблоки?

– С капустой поосторожней. Он нее, от капусты, говорят, очень эти растут...

– Кто эти?

– Ну, эти... Которые еще они для красоты в лифчиках носят... Тити.

– А что, если они и побольше будут, кому хуже-то?

– Куда больше? Сейчас уж пять с половиной.

– Да ну... – Якову становилось все любопытней и любопытней эта Галочка. – А как ты половинку-то определил?

– Да очень просто: пятый мал, а шестой великоват, полнит. Чего сложного-то?

– Ладно, с капустой понятно. Что еще? – Яков посмотрел вопросительно.

– С помидорами тоже надо быть поосторожнее, – делал наставления Алик, – какие-то они дорогие в этом году. А огурцы – как раз то что нужно. Огурцы можно без ограничения, да и вообще, Галочка продолговатое очень любит, за уши от продолговатого ее не оттащишь.

– Понятно, – накручивал на ус Яков Борисович. – Дальше.

– Ограничь мучное, сладкое и жирное. Да и в целом экономь. Я тебе суточные оставлю из расчета двести сорок пять рублей в день. Должно хватить.

Яков взял, видимо, подготовленные заранее деньги. Одну тысячу семьсот пятнадцать рублей.

– Будет что особенное просить, сверх сметы, не поддавайся, крепись, – продолжал Алик. – А то знаем этих баб: только дай слабину – тут же на шею сядут: вези их в универсам. Не теряй, Яков, зоркость.

– Сам все понимаю, Алик, не маленький.

– Вот тебе и адрес. Это возле Тишинского рынка, Тишинский переулок. Первый подъезд, квартира семь. Сегодня у нас что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.